

Наш Охлопков

— Беги, тебя Охлопков ищет! Быстрее, он в первом репетиционном зале. Разыскивает тебя по всему театру! — Я бросаюсь по лестнице на третий этаж...

Минуту назад я подписал договор о работе в театре имени Маяковского. Мне 24 года, за спиной два сезона работы в рижском Русском театре. Договор подписан, но лично с Николаем Павловичем мы еще не виделись. И вот в конце узкого коридора у актерских гримбуфных я вижу Охлопкова. Николай Павлович необычайно элегантен. Глаза — добрые, молодые, озорные, характерные полные губы, силоватый голос, похожий на громкий шепот. Я моментально утопаю в море охлопковского обаяния.

Мы оба взволнованы. Я — по вполне понятным причинам, Николай Павлович — встречей с новым молодым актером.

— Ну, вот ты какой хороший, — произносит он первую фразу, переводя дыхание. И сразу же называет пять-шесть прекрасных ролей, на которые я должен вестись,

В конце пятидесятых годов, когда мы заканчивали театральные вузы, единственным оппонентом МХАТа был театр Охлопкова. Мы с интересом ходили туда и с удовольствием ругали этот театр. Здесь все было непривычно, даже с нашей, мхатовской, точки зрения — кощунственно: актеры ходили через зал, общались с публикой, на сцене располагались рояли и оркестры, звучала «неоправданная» музыка, расставленная режиссерские акценты. «Формализм», «цирк», «манеж Охлопкова» — называли мы тогда этот театр.

В день получения дипломов об окончании школы-студии МХАТ мы с Сапеем Лазаревым сидим в нашей комнате — в общедоступной на Трифоновской. Настроение... да что

Сегодня Николаю Павловичу ОХЛОПКОВУ, выдающемуся советскому актеру и режиссеру, исполнилось бы 80 лет.

скрывать — мы просто плачем настоящими слезами: во МХАТе нас не оставили.

— Женя, что делать? Сегодня мы показывались к Охлопкову, он берет меня и Толю Ромашина. Но ведь если я пойду в этот театр, со мной наши недруги перестанут адо-роваться... — И у меня хватает здравого смысла посоветовать другу: «Иди, Сапа, к Охлопкову, иди и не раздумывай».

Общезвестно, как счастливо сложилась судьба Александра Лазарева в театре имени Маяковского. Он стал одним из любимых артистов Николая Павловича, обрел мастерство. Это его первый и единственный театр.

Охлопков поражал, злил, фигура Охлопкова, его лич- ность манили к себе.

Помню, как гром среди ясного неба восприняли мы, когда ректор школы-студии МХАТ В. З. Радомысленский устроил встречу Охлопкова с нами — студентами. Охлопков очаровал всех обаянием, темпераментом, добротой и озорством. И студенты оказали ему восторженный прием.

Примерно с этого времени Охлопков начал осуществлять последнее дело своей жизни — создание смены, молодой труппы театра. В течение трех лет (1959 — 1962 гг.) он пригласил большую группу молодежи, главным образом выпускников школы-студии МХАТ. Это «последний охлопковский призыв». Имею честь принадлежать к нему.

И вот в то время, когда в полной силе и расцвете находились Свердлин, Штраух, Бабанова, Самойлов, Ханов, Толмазов, Кириллов, Лукьянов, Козырева, Вера Орлова, Карпова и другие ведущие мастера театра, на сцену дружно

вышли молодые, никому не известные, в главных ролях.

В спектакле «Современные ребята» было занято сразу шестнадцать молодых актеров. Наш любимый помреж Ирина Владимировна Павлова так приглашала по радио нас на сцену: «Мальчишки и девчонки! Пошли на сцену! Начинаем спектакль!» А после премьеры «Современных ребят» Николай Павлович поздравлял каждого, обнимал и целовал. В свои 22—24 мы стали ведущими актерами крупнейшего московского театра.

Доверял нам Охлопков безгранично, хвалил щедро. Помню прогон спектакля «Между ливнями». Прогон грязный, сырой (Николай Павлович уже был болен, и все в театре старались создать иллюзию полнокровной репетиции). Мы с Игорем Охлупиным вынуждены играть сцену «Отец и сын» (Охлупин — Иван Позднышев, я — его отец-комиссар), сцену, которая лишь пару раз прочитана и разобрана за столом. Мы в ужасе: «Как играть? Мы даже не знаем, куда ходить». Охлопков в зале, много каких-то людей еще. «Текст знаете?» — «Знаем!» «Играйте этюдно, импровизационно», — говорят нам. Большое волнение и мобилизация, повышенное внимание друг к другу и «свежесть» ситуации сделали свое дело — сцена получилась.

«Всех актеров в зал!» — раздался голос Охлопкова. «Вот отец и сын — молодцы! Можете еще лучше. Где Свердлин, где Штраух, почему я не вижу их на репетиции? Пусть учатся у молодежи!»

Охлопков предоставлял вновь пришедшему молодому артисту возможность дебюта в большой роли. Его установкой было: бросить человека в горнило театра — сразу большая роль, несколько ролей,

сразу экзамен на максимум возможностей.

Он верил в молодых — будущее театра и даже часто отдавал им предпочтение, — скажем, органике и убедительности Игоря Охлупина, эмоциональности и искренности Светланы Мизери. Убеждал: «Играть надо просто. Так, что, если в самый напряженный момент зритель из первого ряда спросит: «Который час?» — вы должны тут же точно ответить. Или: «Почему мы, актеры, на фотографиях делаем умное, вдохновенное лицо?» И демонстративно вывесил в фойе театра фотографию: белая летняя рубашка с расстегнутым воротом под пиджаком, естественное лицо, естественный взгляд.

...Мы играем утренник — спектакль «Современные ребята». В кулисе появляется в черном костюме заведующий труппой Сергей Леонидович Морской, долго, серьезно смотрит на нас... Поворот круга — нас вызоват перед публикой — очередная сцена этого прекрасного музыкального спектакля. Но из-за кулис уже пришло: «Охлопков умер». Мы ведем диалог с Толей Ромашиним, у него в глазах слезы. Бледные, серьезные лица ребят. Я подхожу к каждому и говорю: «Играть! Играть!» Спектакль продолжается.

Охлопков любил смотреть на проходящие поезда. У себя на даче, в час заката, он выходил на пригорок, откуда видно железнодорожное полотно, и смотрел, как идут поезда.

И в тот момент, когда мы опускали тело Охлопкова в могилу на Новодевичьем кладбище, рядом, по окружной железной дороге, с протяжными гудками, долго-долго, стуча колесами и грохоча вагонами, навстречу друг другу пронеслись два поезда...

Евгений ЛАЗАРЕВ,
заслуженный артист
РСФСР.